

Теория и методология Theory and methodology

DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_04_01

Марцинковская Т.Д.

Цифровая повседневность в хрупком и изменчивом мире

Martsinkovskaya T.D.

Digital everyday life in a brittle and changing world

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Рассматривается проблема цифровой повседневности в нескольких аспектах – как копинг, как выражение экзистенции, как один из стилей информационной идентичности, как охрана своей самости (и через отношение к смешанному пространству, и как выбор приоритетов культурного капитала) и как маска и в реальном, и в сетевом мире. Одним из наиболее важных аспектов цифровой повседневности в современном мире является ее роль как стратегии совладания. Значимость этой функции связана с феноменологией современного мира, в котором постоянная изменчивость и неопределенность сочетаются с нелинейностью, непостижимостью и хрупкостью. Поэтому в статье раскрываются не только новые определения современного социума, но и их содержательное наполнение в цифровой действительности. Показаны варианты цифровой повседневности, связанные с активностью в смешанном и дополнительном пространствах. Смешанное пространство является, преимущественно, способом самореализации в неопределенности, открывающим новые возможности перед людьми в ситуации ограничений, как со стороны внешних барьеров (например, карантин), так и личностных, внутренней цензуры, тревожности, прекарности. Дополнительное пространство также может стать вариантом копинга, например, при отождествлении с героями сериалов, кинофильмов, компьютерных игр. Кроме того, дополнительное пространство может быть выражением экзистенции и играть роль своеобразного защитного барьера. Новая цифровая повседневность тесно связана и со стилями информационной идентичности, прежде всего с нормативным стилем, так как этот стиль, хотя и не стимулирует самоизменения и креативность, но помогает сохранению эмоционального благополучия в сетевом пространстве. В любом случае, степень приверженности определенному стилю информационной идентичности может рассматриваться как один из основных вариантов

современной цифровой повседневности. Привычный вариант культурного капитала также возможно трактовать как цифровую повседневность, дающую устойчивость в хрупком мире. Как и приверженность стилю информационной идентичности, содержание и уровни культурного капитала могут рассматриваться как один из вариантов диагностики личностной идентичности. Этот подход сочетается с пониманием связи между авансеной и закулисом, – маской и ролью в концепции И. Гоффмана. Все сказанное позволяет сделать вывод о необходимости целостного исследования классического варианта повседневности и ее трансформации в цифровом мире. Для понимания роли цифровой повседневности в современном мире важно также изучение ее влияния на становление социализации и идентификации в изменчивом и неопределенном цифровом мире.

Ключевые слова: цифровая повседневность, транзитивный и изменчивый мир, информационная идентичность, культурный капитал, социализация, идентификация

Для цитирования: Марцинковская, Т.А. Цифровая повседневность в хрупком и изменчивом мире // Новые психологические исследования. 2023. № 4. С. 10–28. DOI: 10.51217/npysyresearch_2023_03_04_01

Введение

Изучение цифрового общества в последние годы стало одной из ведущих междисциплинарных проблем. Помимо новых возможностей, которые открывают перспективы для развития общества и самореализации человека, цифровой мир и новые технологии несут в себе и новые угрозы для эмоционального благополучия, безопасности личностного пространства и профессионального роста людей. Актуализирует данную проблему и необходимость гармоничного сочетания гибкой социализации и ресоциализации (в том числе и профессиональной) с удовлетворенностью своим статусом в меняющейся картине мира, также как и важность установления связей между новыми видами идентичности, возникающими в сложной реальности. Поэтому при изучении изменчивого и неопределенного цифрового общества необходимо рассматривать развитие личности в цифровой повседневности как гармоничное сочетание социализации и индивидуализации в повседневности, которая трансформируется с изменением окружающего мира, переходя в цифровую повседневность.

Цифровая повседневность

Цифровая трансформация различных сфер жизнедеятельности человека позволяет говорить о формировании нового опыта и новой

феноменологии повседневной жизни как о цифровой повседневности. Понятие «цифровая повседневность» используется достаточно активно и встречается во многих публикациях, посвященных исследованиям онлайн-сообществ и онлайн-коммуникации.

О цифровой повседневности исследователи начали говорить еще в 1990-х годах. Роджер Сильверстоун и Эрик Хирш в 1992 году сформулировали основные положения своей теории доместикиции, «приручения», «одомашнивания», «оповседневнивания» цифровых технологий (Silvestone, Haddon, 1996). Нэнси К. Бэйм (Baym, 2010) предложила свою версию теории доместикиции.

В последние годы, особенно после пандемии COVID-19, усилился интерес к цифровой повседневной жизни. Однако этот интерес проявляется преимущественно с точки зрения повседневных коммуникативных практик, преимуществ и опасностей этих практик для личной безопасности. Наиболее полной и важной для исследователей, в том числе психологов, является работа Б. Итре-Арне (Ytre-Arne, 2023), где автор обобщает исследования, разработанные в последние годы, в том числе проведенные после пандемий. В отдельных проектах изучались нормы и технологии общественной и медиакоммуникаций в Норвегии. Особое значение имеют результаты о поведении и эмоциональных переживаниях пользователей в ситуациях, воспринимаемых как опасные, в которых цифровые медиа могут быть связаны с риском потери персональных данных. Отдельно изучены сложные ситуации, возникающие у художников и ученых, работающих с помощью интернет-технологий, а также изменения в цифровой повседневной жизни в условиях карантина в начале пандемии.

В работе Л. Михалика и А. Гратча (Michalik, Gratch, 2022) были проанализированы способы общения в виртуальном пространстве в нашей повседневной жизни. Авторы рассмотрели не только актуальные для многих способы слежки и наблюдения за другими, но и наиболее распространенные мемы, виртуальные привычки и ритуалы, а также способы самопрезентации в Интернете.

В книге «Цифровой материал: отслеживание новых медиа в повседневной жизни и технологиях» (Digital Material, 2009) авторы подробно разбирают существующие технологии работы в виртуальном пространстве, включая блоггинг, дистанционное обучение и ролевые игры.

В контексте цифровой повседневности исследователи обращаются и к проблеме смешанной реальности, хотя, как справедливо подчеркивали Спайчер, Холл и Небеллинг в своей статье (Spreicher et al., 2019), в современных публикациях до настоящего времени все еще отсутствует единое универсальное понятия «смешанная реальность».

Наибольшее внимание в работах, посвященных цифровой повседневности, обращается на индивидуальные предпочтения и самопрезентации в сети.

Материалы наших исследований показали, что выбор социальной сети, видеохостинга или мессенджера связан, прежде всего, с мотивацией респондентов, так как структура каждого ресурса предполагает определенный вид активности пользователей. Для пользователей сети ВКонтакте общение является одним из приоритетов, в то время как для пользователей мессенджеров существенным является получение информации. Эти люди социально более активны, гибки, избирательны в контактах, и адекватны, чем пользователи социальных сетей и видео-хостингов. Было также выявлено, что, несмотря на значительное количество визуального контента во всех социальных сетях, пользователи в большей степени ориентированы не на визуальную составляющую контента, а на передаваемом смысле или на речи и музыке. Важным фактом стали данные о том, что респонденты с высокими показателями страха, больше времени проводят в социальных сетях, чем респонденты с низкими показателями страха.

Исследование, направленное на изучение мотивации пользователей, обращающихся к сайтам знакомств, показало, что вне зависимости от возраста и цели знакомства приоритетными при поиске партнера являются качества, помогающие людям повысить свое эмоциональное благополучие, обрести уверенность и надежность в партнере. В то же время качества, выбранные респондентами в зависимости от возраста и целей знакомства, помогли выявить некоторые тенденции в динамике ценностных ориентаций – например, низкий статус хозяйственности у молодых респондентов и возрастание с возрастом роли таких черт, как коммуникабельность и чувство юмора. Также полученные материалы показали важное значение ориентировки в собственной мотивации при обращении к сайту знакомств. Опрос, проведенный до начала выбора партнеров на сайте, в котором были зафиксированы различные личностные качества, дал возможность респондентам более осознано подойти к выбору партнера. Повторный опрос и завершающее интервью,

помогли участникам исследования более четко разобраться и в себе, и в своей мотивации: какого партнера они ищут в зависимости от целей знакомства

В последние годы исследования цифровой повседневности смещаются в сторону изучения поведения, бизнес- и обучающих практик (что часто совпадает), коммуникации на разных уровнях. В то же время психологические состояния людей и способы преодоления тревоги и неопределенности изучаются в меньшей степени. Одновременно с этим появляются и работы, стремящиеся при исследовании цифровой повседневности использовать понятие «новой нормальности», которая постулирует необходимость изменить границы нормативных реакций на ситуацию изменений. В контексте этого понятия ограничения и/или препятствия, требующие преодоления, в цифровой повседневности становятся новыми характеристиками сознания человека цифровой эпохи.

В период пандемии COVID-19 понимание «новой нормальности» экстраполировалось с экономических на культурные и социально-психологические изменения в разных сферах жизни. Важнейшим трендом «новой нормальности» в современном VUCA-мире являются цифровые трансформации, определяющие пересборку повседневности и изменения картины мира (Buheji, Sisk, 2020). В общем значении это понятие обозначает высокую скорость возникновения новых явлений, которые резко отличающихся от прежних. В конкретном значении «новая нормальность» – это снижение предсказуемости, которое ведет к росту неопределенности и вытекающей из нее нестабильности. Данная позиция доказала свою продуктивность при осмыслении феномена цифровой социализации.

Цифровое общество стало новым вызовом для психологической науки, хотя первые его концепции были разработаны еще в середине прошлого века Д. Беллом, Э. Тоффлером, М. Кастельсом и другими учеными, которые подчеркивали, что для этого общества характерно фокусирование на информации и знаниях, которые становятся основным параметром оценки человека и социума в целом. Роль информации сохраняет свое ведущее значение и сегодня, что ставит в центр исследований вопросы информационной культуры, заключающиеся в умении ориентироваться в информационном пространстве и адекватно воспринимать и перерабатывать информацию, получаемую из разных источников. В последние годы не менее актуальными стали вопросы устойчивости, усиливающейся неопределенности и изменчивости мира – тех отличительных черт, что все рельефнее

выступают с развитием цифрового общества. Для психологии это также связано и с частичным изменением социальной структуры и увеличением прекарности, тревожности людей из-за сложностей в социализации при новых социальных отношениях, из-за возможной потери статуса, а иногда и работы.

Новые модели изменчивого мира

Для изучения изменяющегося и неопределенного мира учеными были предложены различные модели. Американский ученый Б. Джохансен, один из основателей института изучения будущего в Силиконовой долине, в своей книге «Leaders Make the Future: Ten New Leadership Skills for an Uncertain World» (Johansen, 2015) предложил модель VUCA мира, характеристиками которого являются Volatility – изменчивость, Uncertainty – неопределенность, Complexity – сложность, Ambiguity – неоднозначность. Примерно в это же время нами была выдвинута концепция транзитивного мира (Марцинковская и др., 2021, 2020), главными характеристиками которого является изменчивость, неопределенность и множественность контекстов. В отличие от американских исследователей, в наших работах основной акцент был сделан именно на психологические характеристики транзитивного мира; изучались эмоциональные и когнитивные ответы людей на жесткую и текучую транзитивность, изменения в самоописаниях и стратегиях совладания.

Таким образом, основные различия в указанных подходах к изучению изменчивого и неопределенного мира заключаются в том, что в анализе VUCA мира, (в отличие от транзитивной модели), проблемой изменчивости и цифровизации занимались в большей степени антропологи и футурологи, а прикладные аспекты их открытий начали активно и очень продуктивно применяться в бизнесе (маркетинг, брендинг). Продуктивность подхода Б. Джохансена, состояла в том, что он сфокусировал внимание не на угрозах, а на тех компетенциях, которые помогают успешно существовать в условиях неопределенности и нестабильности. Именно это и принесло успех его работам.

Такой же подход, ориентированный в большей степени на успешность работы компаний, а не на изучение психологических состояний людей, был реализован при разработке модели BANI мира (Brittle – хрупкий, Anxious – тревожный, Nonlinear – нелинейный, and Incomprehensible – непостижимый) футурологом и антропологом Джамансом Кашио, в работе Facing the Age of Chaos (Cascio, 2020).

Эта модель, характеризующая хрупкость, непостижимость и беспокойство, появилась как ответ на пандемию. Представленные в ней рекомендации для бизнеса также получили широкое распространение, однако не стали настолько продуктивными, как те компетенции и умения, которые были заложены в работах Б. Джохансена.

В связи с возрастанием тревоги и усилением ситуации неопределенности, жесткости и длительности самого карантина, росла и тенденция ко все более широкому распространению цифровых форм работы, общения и обучения.

Анализируя индивидуальные характеристики, способствующие уязвимости и нестабильности, большинство отмечает повышение чувствительности к средовым, особенно информационным, воздействиям и непереносимость когнитивной нагрузки. В нашем исследовании (Марцинковская и др., 2023) было показано, что уровень удовлетворенности жизнью у большинства современных молодых людей по шкале удовлетворенности жизнью находится на среднем уровне. Данные результаты представляются адекватной реакцией на сложные внешние обстоятельства. Анализ результатов сочинений, где описываются представления будущего в глазах респондентов, повторяют результаты опроса об удовлетворенности жизнью. При этом в содержании сочинений доминирует описание личного будущего, а не будущего всего человечества.

Высокая чувствительность к неопределенному и изменчивому социальному окружению подтверждается и результатами изучения стилей информационной идентичности. Диффузный стиль информационной идентичности может способствовать адаптации к нелинейному и хрупкому миру, но не помогает быстрой ориентировке в новостном потоке, который обеспечивается только информационным стилем информационной идентичности. В то же время погруженность в информационный поток при высокой чувствительности к информационным воздействиям, может привести к снижению эмоционального комфорта.

Особое внимание при изучении новой цифровой повседневности, необходимо обратить на уровень приверженности выбранному стилю информационной идентичности. Стремление придерживаться выбранного подхода к восприятию информации может рассматриваться как проявление цифровой повседневности. Точно также можно трактовать и нормативный стиль информационной идентичности, связующий стабильную, классическую повседневность прошлой жизни с хрупким и неопределенным настоящим.

Психология повседневности: классические подходы

Наиболее распространенным в XX веке был подход, рассматривавший повседневность в рамках возрастной психологии. При этом Х. Томэ и Л.И. Анциферова (Анциферова, 1993) акцентировали внимание на поздних этапах жизни человека, анализируя варианты переструктурирования повседневности, комфортной для изменившихся обстоятельств жизни пожилых людей. Большой объем материала для исследований был получен при использовании психобиографического метода, одним из его разработчиков был Томэ. В своих работах он доказывал необходимость интеграции номотетического и идиографического методов. Если номотетический подход ориентирован на обобщения, на абстракции, нивелирующие индивидуальное, то идиографический метод позволяет наполнить обобщенные данные конкретным содержанием повседневной жизни человека. Соединяя эти два подхода, Томэ и создает свой вариант психобиографического метода – психологическую биографию.

Большое значение для понимания повседневной жизни пожилых людей имели данные, полученные коллегой Томэ – Урсулой Лер в процессе реализации уникального Боннского геронтологического лонгитюдного исследования, начатого в 1961 году и продолжавшегося почти двадцать лет. В нем участвовало несколько когорт. Естественно, что с годами уменьшалось число участников, однако, еще в 1980-х годах представители первой когорты (1895–1909 года рождения) принимали участие в биографическом интервью. Целью этих интервью было воссоздание тех или иных отрезков жизни человека (одного дня, последней декады, нескольких недель в текущем году и т. д.). В центре внимания ученых была повседневная деятельность людей, особенности их занятий и снижение/изменение их активности и ее содержания. Не менее значимым был и анализ изменения интересов и хобби и, особенно, социальных связей людей на разных этапах старения. При этом отдельно анализировались семейные отношения, дружбы с ровесниками и молодыми людьми. Интерес представляют и материалы, полученные о повседневной жизни людей у себя дома и в домах престарелых, а также мотивы перехода в эти дома (конечно, исключались случаи патологии, когда переезды в социальные дома были связаны с требованием медицинского присмотра). Например, Томэ и Лер, исходя из своих материалов, показывают неправомерность обобщенного представления многих геронтологических исследований

о том, что переселение старых людей в интернаты часто вызывает у них опасные для жизни эмоциональные нарушения, псевдодеменции, депрессивные состояния. Но оказалось, что изменение переживаний и отношения пожилых людей к новой ситуации помогает им открыть позитивные стороны новой жизни. Томэ подчеркивал важность согласованности между объективной ситуацией и представлениями человека о ней и считал, что облегчить положение обитателей пансионатов можно, создав условия жизни в соответствии с их желаниями. В доме для престарелых люди лишены автономии, возможности самим принимать решения, делать выбор. Возвращение же этой возможности должно помочь им самим сформировать новый, но свой собственный жизненный мир. Томэ и Лер при этом пишут и о новых видах компетентности, приобретаемых старыми людьми для решения специфических для них задач.

Поэтому, помимо общего содержания общения, быта, занятий людей на поздних этапах жизни, Томэ и Лер интересовали и изменения, происходящие с их жизненными мирами или картинками мира. Томэ считал, что, помимо индивидуальных связей, мотиваций и интересов, у разных людей жизненный мир отличается разной мерой изменчивости и внутренней согласованности. Индивидуальность проявляется и в различной мере центрации, фокусирования внимания на себе и окружающем, а также на определенных проблемах. И в позднем возрасте остаются ригидные или пластичные люди, способные гибко менять точки зрения на жизненную проблему или «застревать» лишь на одной ее стороне. Жизненные миры различаются также по масштабу замыслов, надежд и действий, по широте интересов и напряженности усилий. Томэ и Лер на конкретных примерах показывают, как значительно может меняться переживание и поведение человека в определенной ситуации в зависимости от индивидуальности и мотивации человека.

Особенно интересным представляется стремление ученых соединить в своих исследованиях повседневности когнитивные и эмоциональные стороны обыденной жизни. Томэ отрицал чистый «когнитивизм», ориентацию ученых только на познавательные процессы, «очищенные» от мотиваций и эмоций. Говоря о когнитивных представлениях или, как он писал, о когнитивных репрезентациях, он подчеркивал, что благодаря эмоциональной насыщенности когнитивные репрезентации выступают во внутреннем мире личности как значащие переживания, новые мотивы и ценности. К формам когнитивных репрезентаций относятся восприятия,

представления, схемы, ожидания, сценарии и планы. В работах, выполненных под руководством Томэ и Лер, содержится уникальный материал об особенностях представлений о своем повседневном жизненном мире людей разного пола и возраста, работающих, безработных и вышедших на пенсию, здоровых и инвалидов. В этих исследованиях раскрываются образы родителей детьми разного пола и возраста, показывается, как родители видят своих детей, выявляются различия между образами родных и приемных детей, показывается, как переживают женщины желательную и нежелательную беременность, как воспринимают свою ситуацию молодые безработные. В их работах также описывается динамика переживаний, вызванная с невозможными потерями и неизлечимыми болезнями.

Среди важных для Томэ и Лер феноменов повседневности ими выделяются несколько техник повседневной жизни. Первая «техника», которая входит в общую психологическую систему приспособления, включает действия, ориентированные на достижение, на успех, на изменение практической ситуации. Вторая «техника» заключается в приспособлении к институциональным аспектам ситуации, к социальным нормам и общественным установлениям, к правилам деловых отношений. В обычных социальных условиях такая «техника» выступает предпосылкой успешности, но в состоянии социальных потрясений большее значение имеет третья «техника»: – приспособление к своеобразию и потребностям других людей. Сравнительные исследования разных когорт, полученных в материалах Боннского опросника, показывают, что эта техника шире представлена в группах людей 1900–1934 годов рождения, и выражена очень слабо у людей, родившихся после 1955 года. Хотя Томэ считал, что это связано с новым «духом времени», не признающим авторитеты, скорее можно предположить, что это обусловлено с новой стабильной повседневностью, которая появляется во второй половине XX века. Четвертую «технику» Томэ называет «заботой об установлении и поддержании социальных контактов». Пятая «техника» получила название «акцептации ситуации», то есть принятие ее такой, какова она есть. Интересно, что исследования повседневных техник приспособления приводят Томэ к отрицанию активных теорий преодоления, связанных с образами героев вестернов и суперменов. Он писал, и (с этим его утверждением соглашалась и Анцыферова), что многочисленные исследования переживания и поведения человека в мире повседневности показали, как часто, несмотря на все усилия, люди терпят поражения, действуют нерационально, взывают о помощи и не могут выйти из состояния подавленности.

Театральная модель повседневности И. Гоффмана

Концепция И. Гоффмана, посвященная психологии повседневности, наиболее полно отражена в его работе «Представление себя другим в повседневной жизни» (Гоффман, 2021). В этом исследовании анализируются обычные повседневные техники, с помощью которых люди поддерживают создаваемые друг у друга впечатления. Как известно, Гоффман выделил и описал три вида идентичности: личностная, связанная с индивидуальными качествами человека и его биографией, я-идентичность, определяющая субъективное ощущение своей жизненной ситуации, своей непрерывности и своеобразия, и социальная, в большей степени связанная с повседневностью. Социальная идентичность описывает типичный образ человека, исходя из атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит. Эту идентичность Гоффман называл также маской или ролью, разыгрываемой людьми на сцене своей жизни. Играя роль, люди используют знаки, чтобы подчеркнуть свои отличия от других. Процесс «означивания» может быть реальным, когда человек описывает себя теми ролями и качествами, которыми он реально обладает, но может быть и фальсификацией, то есть человек использует знаки, чтобы представить себя в выгодном свете.

Повседневную жизнь ученый представляет как соотношение авансцены и закулисы. Есть авансцена, – это моменты, когда люди находятся в обществе других и стараются произвести нужное впечатление, играя ту или иную роль. Это требует затраты энергии, необходимой для правильного исполнения роли и адекватного предвидения будущего результата. Описанный процесс он называет драматической реализацией. Сыграв роль, человек возвращается за кулисы, где происходят рутинные дела, и он может быть собой. Как замечает Гоффман, задача родителя научить ребенка такому перемещению, начиная с символического взаимодействия с другими в игре. Дальнейшее исследование повседневности в рамках театральной концепции было продолжено автором в книге «Ритуал взаимодействия» (1967 г.).

При этом интерес Гоффмана не ограничивается искусством исполнения роли, он фокусируется на анализе той информации, которую люди сознательно или бессознательно закладывают в исполнение ролей и с ее помощью пытаются воздействовать на окружающих. Изучая то, что происходит «за маской», Гоффман уделял особое внимание нарушениям взаимодействия, – недоразумениям и конфликтам, происходящими в жизни, на реальной сцене повседневности. Поэто-

му он детально изучал репертуарные маски, используемыми уличными мошенниками, актерами сериалов, в рекламе, в непосредственном и опосредованном, удаленном взаимодействии.

Исследуя репертуар тех техник, к которым прибегают люди для сохранения своего, с необходимостью изменяемого при самых разных контактах лица, он фокусировал свое внимание как на произвольных аспектах игры, так и на непроизвольных жестах или фразах, которыми люди выдают себя. Театральные метафоры (место – как сцена, повседневные артефакты – как реквизит) он использовал при анализе разных проявлений идентичности и в разных повседневных контекстах. Часто люди даже в повседневной жизни должны лавировать, особенно в сложных и изменчивых жизненных ситуациях. Поэтому многие даже в обычной житейской рутине испытывают беспокойство, тревогу, не будучи уверенными в том, насколько правильно они сыграли ту или иную роль, тот ли реквизит был использован. Важным для автора является и вопрос о необходимости сохранения баланса между типичностью и уникальностью, стремлением затеряться в толпе и одновременно отличаться от других. Эта мысль И. Гоффмана близка позиции А. Маслоу и К. Роджерса и гуманистической психологии.

Используя театральные термины и ассоциации, Гоффман, тем не менее, повторял, что фраза В. Шекспира – «Весь мир – театр», – не может пониматься буквально. Разделяя понятия «сцена и реальность», в повседневности И. Гоффман ввел понятие «фрейм». В его концепции фрейм является определенной рамкой, устойчивой когнитивной репрезентацией ситуации и вероятных событий, которые в этой ситуации могут произойти при конкретной расстановке ролей в данном контексте (пьесе, соревновании, уроке). Он подчеркивал, что, в отличие от изменяющейся повседневной жизни, фрейм устойчив и разделял фреймы на природные и социальные, а они и составляют основу повседневного мира. В то же время возможны трансформации фреймов повседневности – переключение и фабрикация.

При переключении происходит ре-интерпретация деятельности, уже осмысленной в базовой системе фреймов, её перевод в другую систему координат, образующую некоторый мир вымысла. В качестве мира вымысла могут рассматриваться мир текста, мир сна, мир спектакля. Такая ре-интерпретация может происходить и непроизвольно. Фабрикация же всегда произвольна и целенаправлена. Она связана с формированием ложного представления о происходящем (розыгрыши, эксперимент, инсценировка).

Таким образом, психология повседневности И. Гоффмана расширяет само понятие повседневной, обыденной жизни, включая в нее как базовые индивидуальные стратегии жизни, так и личностные, детерминированные мотивами, ценностями и социальными знаками и фреймами окружающего мира. Поэтому многие положения приведенной теории остаются актуальными и сегодня, в современной транзитивной действительности.

В цифровой повседневности понятия сцена – закулисы, роль и маска наполняются новым содержанием. Смешанное пространство с этой точки зрения может рассматриваться как вариант такого гибкого сочетания: представление себя как героя, конструирование идеальной самопрезентации на сцене и осознание повседневного образа Я в реальном пространстве. Такое понимание не только снимает барьеры в освоении новых ролей, но и открывает широкие возможности для самореализации в новых «пьесах» и новых личностных и профессиональных сферах жизни. При этом таким вариантом для самореализации может стать и созданное самими человеком или заимствованное (модифицированное) у других дополнительное пространство, отвечающее актуальным интенциям и стремлению к самоизменению.

Культурный капитал и повседневность

Рассматривая проблему культурного капитала в повседневности, многие исследователи отмечают, что выбор объектов культуры и уровень их понимания тесно связаны друг с другом. Например, любитель живописи может сказать:

я люблю классическую живопись;

мне нравятся передвижники;

мой любимый жанр – пейзаж;

мой любимый художник – Шишкин;

рисунки у Шишкина лучше, а у Куинджи лучше цветовая палитра.

Точно также после первого ответа человек может сказать, что он любит импрессионистов, при этом пейзаж может сохраниться, а художник уже будет К. Моне. У любителей оперы может быть любимым композитором В. Беллини, оперой Норма, а певицей М. Каллас или М. Кабалье, которые бесподобно пели *Costa Diva*.

Содержание культурных уровней, с точки зрения социологии повседневности, отождествляет людей одного уровня, но, с точки

зрения психологии повседневности, перед нами совершенно разные люди с разными ценностями и даже, можно предположить, с разными типами индивидуальности.

Таким образом, повседневность с позиции психологии играет роль не только в индивидуализации быта, но и перехода его в бытие, охрану этой сущности от посторонних, становясь одновременно и синергетической поддержкой при индивидуализации бытия, и выражением экзистенции.

Ярким примером такого соединения являются и стили повседневной жизни, например, «богемной» повседневности, куда люди попадают практически всегда по собственному выбору. Оказывается, что в повседневности сложно выделить главную сферу и сами по себе индивидуальные, индивидуальные и личностные качества не являются ведущими. По-видимому, значительную роль в этой связке играют позитивные и негативные переживания, которые помогают самонастраиваться и укореняться в многоаспектной повседневности. Индивидуальные качества способствуют или мешают личности изменить повседневность и гармонизировать внутреннюю форму хронотопа. При этом, с точки зрения психологии, повседневность выполняет своеобразные функции барьера. Она сохраняет психологическую энергию от лишних затрат, поддерживая конгруэнтность внешнего и внутреннего мира, то есть играет охранительную функцию, при которой индивид и личность тесно связываются друг с другом. Здесь можно говорить о том, что повседневность помогает жить полной жизнью здесь и сейчас, сберегая силы для развития. А культурный капитал помогает выстраивать индивидуальную повседневность, то есть происходит индивидуализация повседневности.

Заключение

Таким образом, изучение гибкой связи между социализацией в развивающемся цифровом обществе и обретением адекватной и динамичной идентичности, помогающей самореализации в этом обществе, раскрытие детерминант и механизмов, способствующих гармонизации этой связи и повышению эмоциональной стабильности людей, становится одной из наиболее актуальных проблем современности.

В качестве основных проявлений процессов социализации, а также и личностной и профессиональной идентификации могут рассматриваться наиболее фундаментальные проявления изменений

содержания новых видов цифровой идентичности и форм самопрезентации.

Главным фактором, влияющим и на эмоциональную стабильность, и на удовлетворенность жизнью людей, является возникновение новых характеристик современного цифрового общества – это хрупкость, нелинейность и непостижимость (ВANI мир) и развитие новых технологий, вызывающих амбивалентное отношение у всех возрастных групп. Характеристики этого общества, наряду с характеристиками транзитивного мира, затрудняют или делают практически невозможным прогнозирование будущего, что также отражается на эмоциональном комфорте людей.

Необходимость гармоничного сочетания гибкой социализации и ресоциализации (в том числе и профессиональной) с удовлетворенностью своим статусом в меняющейся картине мира, также как и важность установления связей между новыми видами идентичности, возникающими в сложной реальности, ставит новые проблемы перед психологией. Их решение зависит не только от формирования новой методологии, но и от создания нового инструментария.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия».

Литература

- Анцыферова, Л.И. Психология повседневности; жизненный мир личности и “техники” ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–16.
- Гоффман, И. Представление себя другим в повседневной жизни. СПб.: Питер, 2021.
- Марцинковская, Т.Д. Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 31–45. DOI: 10.51217/psyresearch_2021_01_02_02
- Марцинковская, Т.Д., Андреева (Голубева), Н.А., Преображенская, С.В. Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 347–361. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.304>

- Марцинковская, Т.Д., Преображенская, С.В. Информационная социализация студентов в транзитивном мире // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 45–56
- Baym, N.K. Personal connections in the digital age. Malden, MA: Polity Press, 2010.
- Buheji, M. A New Era Full of Inspiration and Resilience after COVID-19 // International Journal of Inspiration & Resilience Economy. 2020. Vol. 4. No. 2. P. 0–0. DOI: 10.5923/j.ijire.20200402.00.
- Cascio, J. Facing the Age of Chaos, 2020. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (date of access 03.09.2023)
- Digital Material: Tracing New Media in Everyday Life and Technology / M. van den Boomen, S. Lammes, A.-S. Lehmann, J. Raessens, M.T. Schäfer (Eds.). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2009. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt46mxjv> (date of access 03.09.2023)
- Johansen, B. Leaders Make the Future: Ten New Leadership Skills for an Uncertain World. Oakland, CA: Berrett-Koehler Publishers, 2015.
- Michalik, L., Gratch, A. Digital Performance in Everyday Life. New York: Routledge, 2020.
- Silverstone, R., Haddon, E. Design and the Domestication of Information and Communication Technologies: Technical Change and Everyday Life / In R. Silverstone, R. Mansell (Eds.), Communication by Design. The Politics of Information and Communication Technologies. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 44–74.
- Speicher, M., Hall, B.D., Nebeling, M. What is Mixed Reality? / In Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '19). New York, NY: Association for Computing Machinery, 2019. Paper 537. P. 1–15. <https://doi.org/10.1145/3290605.3300767>
- Ytre-Arne, B. Media Use in Digital Everyday Life. Leeds, U.K.: Emerald Publishing Limited, 2023. DOI: <https://doi.org/10.1108/978-1-80262-383-320231006>

Сведения об авторе

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Московский институт психоанализа, Москва, Россия; 121170, Россия, Москва, Кутузовский пр., д. 34, стр. 14; ip@rggu.ru

Martsinkovskaya T.D.

Digital everyday life in a brittle and changing world

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Moscow institute of psychoanalysis, Moscow, Russia

The problem of digital everyday life is considered in several aspects – as coping, as an expression of existence, as one of the styles of information identity and as the protection of one's self (both through the relationship to a mixed space and as a choice of priorities of cultural capital) and as a mask both in the real and online world. One of the most important aspects of digital everyday life in the modern world is its role as a coping strategy. The importance of this function is associated with the phenomenology of the modern world, in which constant variability and uncertainty are combined with nonlinearity, incomprehensibility and brittleness. Therefore, the article reveals not only new definitions of modern society, but also their content in digital reality. Options for digital everyday life are shown, which are associated with activity in mixed and additional spaces. Mixed space is primarily a way of self-realization in uncertainty, opening up new opportunities for people in situations of restrictions, external barriers (for example, quarantine) and personal ones, internal censorship, anxiety, precarity. Additional space can also become a coping option, for example, when identifying with the characters of TV series, movies, or computer games. Additional space can also become an expression of existence and play the role of a kind of protective barrier. The new digital everyday life is closely related to information identity styles, primarily the normative style, since this style, although it does not stimulate self-change and creativity, helps maintain emotional well-being in the online space. In any case, the degree of adherence to a certain style of information identity can be considered as one of the main options for modern digital everyday life. The habitual version of cultural capital can also be interpreted as digital everyday life, providing stability in a brittle world. Like adherence to the style of informational identity, the content and levels of cultural capital can also become one of the options for diagnosing personal identity. This approach can be combined with an understanding of the connection between the front stage and the backstage, the mask and the role in the concept of I. Hoffman. In general, we can conclude that there is a need for a holistic study of the classical version of everyday life and its transformations in the digital world. To understand the role of digital everyday life in the modern world, it is also important to study its influence on the formation of socialization and identification in a changing and uncertain digital world.

Key words: digital everyday life, transitive and changeable world, information identity, cultural capital, socialization, identification

For citation: Martsinkovskaya, T.D. (2023). Digital everyday life in a brittle and changing world // *New Psychological Research*, No. 4, 10–28. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_04_01

Acknowledgement

The work was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00516 “Transitive and virtual spaces – commonality and differences”.

References

- Antsyferova, L.I. (1993). Psychology of everyday life; the personal life world and the “techniques” of its existence. *Psikhologicheskii zhurnal*, 14(2), 3–16.
- Baym, N.K. (2010). *Personal connections in the digital age*. Malden, MA: Polity Press.
- Buheji, M., & Sisk, A. (2020). A New Era Full of Inspiration and Resilience after COVID-19. *International Journal of Inspiration & Resilience Economy*, 4(2). DOI: 10.5923/j.ijire.20200402.00.
- Cascio, J. (2020). Facing the Age of Chaos. Retrieved from <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d>
- Goffman, I. (2021). *The presentation of self in everyday life*. St. Petersburg: Piter.
- Johansen, B. (2015). *Leaders Make the Future: Ten New Leadership Skills for an Uncertain World*. Oakland, CA: Berrett-Koehler Publishers.
- Martsinkovskaya, T.D. (2021). New methodology for studying the transitivity of the living space of a changing personality. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, (2), 31–45. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_02
- Martsinkovskaya, T.D., Andreeva (Golubeva), N.A., Preobrazhenskaya, S.V. (2023). Information identity and perception of information as a new digital everyday life. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 13(3), 347–361. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.304>
- Martsinkovskaya, T.D., Preobrazhenskaya, S.V. (2020). Information socialization of students in the transitive world. *Voprosy psikhologii*, (3), 45–56.
- Michalik, L., & Gratch, A. (2020). *Digital Performance in Everyday Life*. New York: Routledge.
- Silverstone, R., & Haddon, L. (1996). Design and the Domestication of Information and Communication Technologies: Technical Change and Everyday Life. In R. Silverstone & R. Mansell (Eds.), *Communication by Design: The Politics of Information and Communication Technologies* (pp. 44–74). Oxford: Oxford University Press.
- Speicher, M., Hall, B.D., Nebeling, M. (2019). What is Mixed Reality? In Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '19) (Paper 537, pp. 1–15). New York, NY: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3290605.3300767>
- van den Boomen, M., Lammes, S., Lehmann, A.-S., Raessens, J., & Schäfer, M.T. (Eds.). (2009). *Digital Material: Tracing New Media in Everyday Life and Technology*. Amsterdam: Amsterdam University Press. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/j.ctt46mxjv>

Ytre-Arne, B. (2023). *Media Use in Digital Everyday Life*. Leeds, U.K.: Emerald Publishing Limited. DOI: <https://doi.org/10.1108/978-1-80262-383-320231006>

Information about the author

Tatyana D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya square, Moscow, Russia, 125047; Moscow institute of psychoanalysis, Moscow, Russia; bld. 34–14, Kutuzovskii av., Moscow, Russia 121170; ip@rggu.ru